

Русские военные агенты в Лондоне и методы их работы в 1875—1885 гг.

Александр Томилин

Russian military agents in London and their working methods (1875—1885)

Aleksandr Tomilin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012934-8

В 1875—1885 гг. противостояние России и Великобритании на Ближнем Востоке и в Центральной Азии достигло очередного пика и дважды (в 1877—1878 гг. и 1885 г.) угрожало перерасти в войну. Поэтому в Петербурге желали как можно больше и лучше знать о политике и вооружённых силах Британской империи. С 1856 г. необходимые для этого данные добывали и обрабатывали военные агенты. В 1875—1885 гг. в Лондоне этот пост занимали генерал-майор Свиты е.и.в. А.П. Горлов (1873—1882), генерал-майор К.К. Ланц (1882—1884) и Генерального штаба подполковник (с 1885 г. полковник) С.С. Бутурлин. Но как они вели сбор информации? Из каких источников и каким путём она поступала? Исследователи об этом почти ничего не пишут. М.Н. Алексеев пришёл к выводу, что Горлов получал сведения не от агентуры, а из анализа периодики и общения с высокопоставленными лицами и офицерами¹. Н.Н. Лисицына утверждает, что в своих донесениях военные агенты опирались преимущественно на прессу².

В целом, наиболее распространёнными способами ведения военной разведки или «ориентирования», как называл её Б.М. Шапошников, во второй половине XIX — начале XX в. служили командировки офицеров за границу для личного наблюдения за армией той или иной страны и контактов с её командирами и политиками, анализ различных публикаций (и прежде всего — военной периодики), а также данных, поступавших от дипломатов — посла, консулов или от командиров торговых судов, заходивших в те или иные важные порты, представителей союзных держав и т.д., наконец, собственно тайная работа с агентурой. Разумеется, успех этой деятельности во многом зависел от личных качеств, подходов и подготовки военных агентов³. При этом у военных агентов отсутствовали какие-либо инструкции, регламентировавшие поиск информации, им лишь рекомендовалось делать это, не привлекая особого внимания. Методам вербовки контрразведки, добычи и анализа секретных сведений им приходилось обучаться самостоятельно на практике⁴.

© 2020 г. А.Р. Томилин

¹ Алексеев М.Н. Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II. М., 2010. С. 257, 269.

² Лисицына Н.Н. Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX — начале XX века: взгляд на Восток // Клио. 2005. № 1(28). С. 161—162.

³ Шапошников Б.М. Мозг армии. В 3 т. Т. 3. М., 1929. С. 300—301; Matthew S. Seligmann. Spies in Uniform. British Military and Naval Intelligence on the Eve of the First World War. N.Y., 2006. P. 2—6.

⁴ Как вспоминал позднее А.А. Игнатьев, служивший в 1906—1917 гг. военным агентом в Париже: «В академии нас с тайной разведкой даже не знакомили. Это просто не входило в программу преподавания и даже считалось делом “грязным”, которым должны заниматься сыщики,

Александр Павлович Горлов (1830—1905) получил образование в Михайловской артиллерийской академии, а в 1868 г., будучи уже полковником, стал первым русским военным агентом в Вашингтоне⁵. На этом посту, по свидетельству военного министра Д.А. Милютина, он «оказал немаловажную услугу в деле разработки образца нашего нового малокалиберного (бердановского) ружья» и лично контролировал изготовление этих винтовок на заводе Колта, за что в 1870 г. был зачислен в Свиту⁶. В 1873 г. ему довелось наблюдать боевые действия американской армии против племён сиу и модоков⁷. 11(23) апреля 1873 г. он представил в рапорте № 35 подробный отчёт об этой войне, указав и свои источники: «Официальные сведения об индейцах, сообщённые в рапортах министра внутренних дел за 1872 год, газетные описания корреспондентов, сопутствовавших экспедиционному отряду, описания как официальные, так и частные, помещённые в здешнем военном журнале: “Army and Navy Journal”, официальные приказы о движениях разных частей отряда, официальные сведения насчёт состава и расположения войск на различных постах и, наконец, официальная карта, с показанием на оной расположения всех индейских резерваций на западе Америки»⁸. Получить эти материалы можно было вполне легально.

В 1873 г. Горлов становится военным агентом в Лондоне. В его донесениях сообщалось про оружие и технику, политику, подготовку и организацию войск, шифрование, финансы и собственно разведку. 9(21) января 1879 г. в рапорте № 3 он перечислил те источники сведений, которые использовал за годы пребывания в Англии. Среди них — личное посещение арсеналов, заводов, казарм, артиллерийских и инженерных опытов, чтение газет, журналов и брошюр по специальным вопросам, сношения с частными лицами⁹. Но основные данные, по словам генерала, поступали от агентуры. В фонде Военно-учёного комитета отложилось 57 его рапортов за 1877 г.¹⁰ и больше всего — за июль—август, с известиями о формировании Британией экспедиционного корпуса на случай войны с Россией. В четырёх из них упоминалось об агентуре, ещё в двух — о сведениях, полученных от частных лиц¹¹. В 1878 г. о работе агентуры говорилось в 22 из 56 сохранившихся донесений (в основном — в апреле, июне—июле и октябре—ноябре)¹². В 1879 г. более половины рапортов начиналось с фразы «по сообщениям моих корреспондентов из Англии»¹³. Кто же являлся информатором русского генерала и насколько достоверны были присылаемые ему сведения?

В 1877—1879 гг. Горлов часто ссылался на рассказы и записки агента, обо-

переодетые жандармы и другие подобные тёмные личности. Поэтому, столкнувшись с действительностью, я оказался совершенно беспомощен» (*Игнатьев А.А.* 50 лет в строю. Т. 1. М., 1955. С. 210).

⁵ РГВИА, ф. 453, д. 6, л. 9.

⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 227, 319.

⁷ Utley R.M. Frontier Regulars. The United States Army and the Indian. 1866—1891. N.Y., 1973. P. 190.

⁸ РГВИА, ф. 453, д. 7, л. 61.

⁹ Там же, ф. 401, оп. 3/927, 1879, д. 1, л. 12 об.

¹⁰ Там же, 1877, д. 4. При этом последний из них — с № 134, т.е. в деле отсутствуют 3/5 донесений.

¹¹ Там же.

¹² Там же, 1878, д. 15.

¹³ Там же, 1879, д. 1.

значенного под литерой N. Впервые он упоминался 1(13) июля 1877 г. в рапорте № 45 как член редакции одной из либеральных газет (без уточнения, какой именно)¹⁴, вращавшийся в правящих кругах Англии. Он делился информацией о планах войны против России или в Афганистане, о британском шпионаже в Петербурге и на Балканах, совершал поездки по интересовавшим Горлова территориям, завязывал нужные знакомства, привозил важные новости¹⁵. Так, в 1877—1878 гг. во время поездок в Турции он установил контакт с информаторами, став связующим звеном между ними и Горловым, передававшим их сообщения в Россию¹⁶. Генерал-майор считал N весьма способным и хорошо поставленным человеком и относился к его сведениям с полным доверием¹⁷.

К осени 1878 г. услуги N стоили 120 фунтов стерлингов (3 тыс. франков). Желая продолжить сотрудничество с N, Горлов убедил военного министра немедленно выплатить треть указанной суммы. Вскоре военного агента оповестили о том, что вексель на тысячу франков (414 руб. 94 коп.) выписан в банковской конторе Верн и К° в Париже. Поездки N на Восток оплачивались отдельно. К примеру, летом 1878 г. он израсходовал там 2 490 франков (при бюджете в 2 594 франка)¹⁸.

При этом денежное содержание самого военного агента составляло 3 тыс. руб. (именно столько было назначено Ланцу, сменившему в 1881 г. Горлова), ещё 1 200 руб. выделялось на «негласные расходы». Если учесть, что к ним добавлялось жалованье, выдававшееся согласно чину (генерал-майору полагалось 1 017 руб.), то этих средств вполне хватало на содержание информаторов¹⁹.

Помимо N, Горлов упоминал в рапортах про «различных моих корреспондентов, принадлежащих к разным кругам английского общества, сведения от которых мне кажутся не лишними»²⁰. В 1878—1879 гг. они слали Александру Павловичу письма со специальной пометой в Париж, на имя его лечащего врача²¹.

Немалую пользу приносили также знакомства и разговоры с государственными деятелями и частными лицами как при личных визитах, так и на официальных приёмах. Так, в апреле 1877 г. Горлов получил приглашение на светский раут к военному министру Англии. Это позволило ему 14(26) апреля изложить в рапорте № 20 мнения своих собеседников о политике России на Кавказе и её конфликте в Турции²². Ранее, в начале года, он сетовал: «Различные газеты постоянно сообщают, что английские офицеры отправляются в довольно большом числе в Турцию или для поступления там на службу, или для временного содействия турецкому правительству. Всё это скрывается от меня, как от офи-

¹⁴ Там же, д. 4, л. 119 об.

¹⁵ Там же, д. 1, л. 13.

¹⁶ Там же, оп. 2/927, 1877, д. 4, л. 119 об.; 1878, д. 15, л. 72, 77.

¹⁷ Там же, оп. 3/297, 1878, д. 15, л. 89. В одной из записок N предупреждал Горлова, что в Военном министерстве Англии заинтересовались объявлением, помещённым в «The Times» 8 ноября 1878 г.: «С. Петербург. А.Г. благодарит лицо, которое обязательно сообщило Кассель Магазин статью о Микрофоне». В Главном штабе догадались, что в нём речь шла о Горлове, который посещал магазин Хамфорда предположительно для конфиденциальных бесед (Там же, л. 13 об.).

¹⁸ Там же, л. 90—92, 95, 100.

¹⁹ Там же, оп. 4/928, 1882, д. 32, л. 2. То же содержание — 3 тыс. руб. жалованья и 1 200 руб. на «негласные расходы» полагалось и капитану Генерального штаба Протопопову, назначенному в 1881 г. военным агентом в Афинах (Там же, 1881, д. 2, л. 71).

²⁰ Там же, оп. 3/927, 1878, д. 15, л. 22.

²¹ Там же, л. 73 об.; 1879, д. 1, л. 13 об.

²² Там же, 1877, д. 4, л. 61.

циального русского лица, не только военными, но также и частными лицами». Однако находились и те, кто был готов делиться подобными сведениями: «Тем не менее в одном дружеском мне доме было мне передано, на время, письмом одного высокого звания сановника, относящегося к вопросу об английских волонтерах, и сверх того сообщены другие интересные сведения, на достоверность которых я имею полное право рассчитывать... В дополнение сему письму мне сообщено, что английское правительство действительно послало в Турцию шесть инженерных офицеров под начальством майора Роберта Хома (*Robert Home*) для изучения местности вокруг Константинополя и составления проекта её укрепления. Передававшее эти сведения лицо стояло в Константинополе в одной гостинице с названными офицерами и даже рассматривало их планы»²³.

В рапорте № 2 в 1877 г. Горлов извещал, что о возможности англичан перебросить экспедиционный корпус против России ему поведал «один офицер, знакомый мне по Военному министерству, где до недавнего ещё времени он занимал высокое место. Он принадлежит по происхождению к аристократии и находится в близких отношениях с принцами королевской фамилии. Я не имею права назвать его фамилию»²⁴. Среди информаторов была также «некая дама, близкая к военным кругам»²⁵.

Таким образом, к 1878 г. генерал-майор располагал целой агентурной сетью. Однако в 1879 г. надзор полиции за лицами, заподозренными в шпионаже, был усилен, а некоторые информаторы из патриотических чувств перестали сотрудничать с Горловым. Тем не менее он не отчаивался. «Ныне установившиеся средства наблюдения, конечно, далеко не совершенны, — признавал Александр Павлович, — но всё же они доставляют сведения, какие не получишь другим путём»²⁶.

Напряжённая работа в 1877 г. серьёзно подорвала здоровье Горлова²⁷, и по ходатайству посла гр. П.А. Шувалова военный министр разрешил генерал-майору выехать на лечение в Париж, где он и находился в 1878—1879 гг.²⁸ Впрочем, и там с санкции графов Шувалова и Милютина Горлов поддерживал связь со своей агентурой. «Те лица, которые доставляли мне, вследствие особых причин, самые важные и точные новости, недостижимые официальным путём и не помешающие в газетах, обещали мне поддерживать эти сношения на время моей болезни в Париже», — докладывал он в Петербург. Это внушало ему уверенность в успехе: «Мне казалось бы желательным продолжать ныне установленную систему наблюдения вне Англии, не только не дать ей ослабнуть, но напротив, стараться по возможности сделать её более и более надёжной»²⁹. В одном из его рапортов отмечалось, что в случае войны с Англией там уже будет действовать работающая на Россию резидентура, отсутствовавшая в годы Крымской войны³⁰.

Однако насколько точны и достоверны были сведения, поступающие к Горлову? Показательно, что 19(31) января 1877 г. он сообщал о готовности ан-

²³ Там же, л. 1—3.

²⁴ Там же, л. 7.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, 1879, д. 1, л. 13 об., 14 об.

²⁷ Там же, 1878, д. 15, л. 11—13.

²⁸ Там же, л. 16—17.

²⁹ Там же, л. 14—14 об.

³⁰ Там же.

гличан в случае войны за 5—6 недель отправить в Европу 50—60 тыс. человек³¹. Между тем премьер-министр Б. Дизраэли 13 декабря 1876 г., жалуясь в частном письме на британский Генеральный штаб, восклицал: «Вместо того, чтобы 40 000 человек находилось в лагере под Константинополем, они требуют 65 000 и 10 000 для Галлиполи». Причём 1 декабря лорд Биконсфилд рассчитывал, что переброска войск займёт три недели³². 23 марта 1877 г., излагая в докладной записке свои соображения о плане войны с Турцией, генерал-лейтенант Н.Н. Обручев приводил именно поступившие от Горлова цифры возможного английского десанта под Константинополем (50—60 тыс., правда, лишь через 8—10 недель). С учётом этой угрозы русским войскам рекомендовалось быстро пересечь Дунай и Балканский хребет и выйти к стенам турецкой столицы³³.

10(22) ноября 1878 г. в донесении № 39 Горлов раскрыл состав англо-индийской армии, предназначенной для войны в Афганистане. В долине Кветты под командованием генерал-майора А.С. Биддольфа находилось 5 260 человек (в том числе 850 европейцев), в Мультианской долине у генерал-лейтенанта Д.М. Стюарта — 6 330 (при 2 530 европейцах). В долине Пешавара передовой пост составлял 2 170 (780) человек, подвижная колонна — 5 680 (2 780), резервные части генерал-майора Ф.Ф. Мода — 5 350—5 380 (2 200), резерв в Равал-Пинди — 3 134 (1 784). Курамский отряд генерал-майора Ф. Робертса достигал 5 776 (1 816) человек, включая гарнизоны. К таблицам численности дивизий прилагались данные об оружейном составе батарей, список командующих, цели назначения частей. Подводя итог, Горлов насчитывал в «армии Кветты» от 11 590 до 12 590 (3 380), в «армии Пешаварской долины» — до 16 364 (7 544), а всего, вместе с «армией р. Курума» — до 34 730 солдат³⁴.

Между тем 4 октября по указу вице-короля Литтона были сформированы Курамская колонна (по расчётам генерал-квартирмейстера армии вторжения на 19 ноября — 6 665 человек при 18 орудиях³⁵), Мультианская дивизия (7 304 человека при 60 орудиях) и армия Кветты (5 560 человек при 18 орудиях)³⁶. Всего, вместе с войсками, охранявшими Пешаварскую долину³⁷, и вспомогательными частями удалось собрать 35 708 человек при 144 орудиях³⁸. Таким образом, Горлов более или менее верно представлял как общую численность британских сил, так и размеры отдельных отрядов, знал их командующих и направления движения.

По возможности Горлов делился и личными наблюдениями. Так, посетив арсенал и военную академию в Вуличе, он писал 5(17) мая 1877 г. в рапорте № 31 о готовности англичан оказать помощь султану: «Общий результат из разговоров, справок и осмотра получился следующий. Для приведения войск,

³¹ Там же, 1877, д. 4, л. 6—7.

³² *Buckle G.E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. Vol. VI (1876—1881). L., 1920. P. 103, 105—106.*

³³ Сборник материалов по истории русско-турецкой войны на Балканском полуострове. Т. 10а. СПб., 1898. С. 28—29.

³⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927, 1878, д. 15, л. 119—121.

³⁵ Однако сам лорд Робертс оценивал свои силы в 5 335 человек (1 345 англичан и 3 990 индусов) при 13 орудиях (*Sir Robert of Khandagar. Forty one years in India. Vol. 2. L., 1897. P. 127*).

³⁶ *The Second Afghan War 1878—1880. Abridged Official Account. L., 1908. P. 13.*

³⁷ Согласно дневнику полковника Ч. Мак-Грегора, в 1878 г. там располагалось 4 600 пехоты (2 500 индусов и 2 100 англичан), 1 тыс. туземной конницы при 24 орудиях, т.е. около 5 680 человек (*The Life and Opinions of Major-General Sir Charles Metcalfe Macgregor / Ed. C. Macgregor. Vol. 2. Edinburgh; L., 1888. P. 69*).

³⁸ *The Second Afghan War 1878—1880. P. 14.*

назначенных в экспедицию, на случай её отправки не требуется ни покупка лошадей, ни набора, ни даже сбора резервов... Для интендантства и госпитального обоза потребуется некоторое формирование наново, но все повозки в полном числе готовы в арсенале и все требующиеся для них упряжи сложены в арсенальном складе в полном порядке бесконечными рядами, так что в этом отношении экспедиционный корпус готов. Общее впечатление офицеров есть то, что отряды в случае надобности, во всей своей полноте, могут быть готовы к амбаркации через 5—6 дней по отдании приказа»³⁹. Скорее всего, именно это и хотели ему показать.

Но по мере ухудшения англо-русских отношений режим секретности на заводах, верфях, арсеналах и полигонах возрастал, и об их посещении уже не могло идти речи. В 1878 г. «английское правительство стало отказывать нам в сообщении каких-либо технических сведений, которые до сих пор передавались совершенно свободно; равно прекратившиеся приглашения на опыты, учения, смотры и т.п. Сверх того посещения каких-либо технических заведений сделалось неудобным (так в тексте. — А.Т.) и даже неприличным, так как англичане стали громко называть это шпионством и так как при подобном настроении общего духа можно было наткнуться на личные оскорбления — особенно опасные и нежелательные при теперешних политических затруднениях»⁴⁰.

Работа с прессой и тщательная проверка появлявшихся в ней публикаций явно обременяли Горлова. В основном Александр Павлович следил за статьями «больших ежедневных английских журналов» (крупнейших английских газет, влиявших на общественное мнение) — «The Times», «Daily Telegraph», «Daily News», утренний и вечерний «Standart», «Morning post» и «Globe», отмечая, что «кроме того имеется второстепенная вечерняя газета “Echo” и две важных воскресных газеты “Examiner” и “Observe”». Как докладывал Александр Павлович 15(27) февраля 1878 г. в рапорте № 8, «каждая из этих газет ежедневно имела большое число длинных телеграмм с театров войны европейских и азиатских. Сверх того, почти каждая из этих газет имела множество длинных писем от своих корреспондентов при турецких войсках и, наконец, в собственно лондонских статьях о войне газеты часто содержали различные новости, полученные ими из Турции непосредственно. Ежедневное чтение всей этой массы газетной литературы сделалось для меня вдруг обязательным. Я не мог не ужасаться мысли: пропустить какую-нибудь из важных новостей, помещённых в каком-нибудь углу какого-нибудь из этих журналов и сделаться таким образом виновным в недоставлении в Главную квартиру необходимых для неё данных и в воспроизведении опасности, от которой уже пострадал генерал Черняев. Вследствие этого, с июня месяца у меня не оказалось более времени для необходимого для моего здоровья моциона; дни почти всецело, за исключением времени для завтрака и обеда в клубе, употреблялись на чтение безобразной английской газетной литературы, составлении выписок и т.п.; и эта работа была ещё тяжелее по вечерам и ночам, вследствие необходимости читать при газе и вследствие мелкого шрифта английских газет. К сожалению, я не мог не убедиться, что в этой массе телеграмм и писем было очень мало действительно серьёзного материала и что английское газетное пустословие, в соединении с явной лживостью, достигли в эту войну неслыханных размеров. Из всей этой массы удалось извлечь лишь немного серьёзных депеш. Произошла ли от них

³⁹ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927, 1877, д. 4, л. 86.

⁴⁰ Там же, 1878, д. 15, л. 13.

для нас какая-нибудь польза, мне неизвестно, и даже рассуждать об этом вопросе я не имею права»⁴¹. Горлов сам обрёк себя на этот труд, предложив 23 июня (5 июля) в рапорте № 40 доставлять в Петербург подборку важных известий о боях на Дунае. Гр. Шувалов, разумеется, одобрил эту инициативу⁴², а вскоре из Военного министерства пришёл соответствующий приказ.

При этом чаще всего Горлов обращался к «Daily News». Летом 1881 г. он даже обратился в редакцию с просьбой предоставить ему экземпляры или хотя бы список номеров, в которых публиковались письма корреспондента Э. О'Доннорвана, путешествовавшего в 1879—1881 гг. по Туркмении и сообщавшего весьма подробные и ценные сведения о Мерве. Редактор не смог предоставить ему копии, так как они хранились в редакции в одном экземпляре, но выделил список номеров с публикациями писем. Затем Александру Павловичу пришлось «приступить к изучению всех этих 177 корреспонденций, обозначить в оных, что представляется интересным для нашего военного ведомства; сделать переводы всего этого на русский язык и затем составить из этих отдельных и весьма сложно перепутанных между собой сведений один гладкий рассказ, где бы все эти сведения были бы расположены в порядке, по определённым системам»⁴³. В целом же к началу 1879 г. Горлов считал прессу ненадёжной, а то и вовсе бесполезной, поскольку ей «поставлена обязанность умалчивать всё, что может быть для нас полезно, или даже нарочно искажать факты, чтобы ввести нас в заблуждение»⁴⁴.

В марте 1882 г. Горлова сменил Карл Карлович Ланц (1837—1884). Артиллерист по образованию, он служил больше в строю, чем в штабах, командуя Лейб-гвардии 2-й батареей конной артиллерии, Лейб-гвардии Драгунским полком, и проявил себя как педантичный командир и умелый хозяйственник⁴⁵. Ещё в августе 1871 г. он вместе с полковником Кребелем был командирован в Англию на большие манёвры под Альдершотом⁴⁶, где получил первое знакомство с британской армией.

Возможности агентурной разведки в Англии Ланц, в отличие от своего предшественника, оценивал крайне скептически: «Относительно получения секретных сведений, — докладывал он в 1884 г., — нужно заметить, что так как конфиденциальная переписка между начальствующими лицами ведётся большей частью собственноручно, то секрет соблюдается строго, и старание узнать тайну через агентов обходится дорого и редко ведёт к практическим результатам... В заседаниях кабинета, как говорят, никто кроме министров не присутствует, никакого протокола заседаниям не ведётся, а министры сами записывают для себя, что нужно»⁴⁷.

Поэтому военный агент предпочитал вести разведку через открытые наблюдения за британской армией. Участие в парадах и манёврах позволяло увидеть войска в строю, оценить их амуницию, упряжь и снаряжение у артиллерии и кавалерии, качество строевой подготовки. В 1882 г. Ланц даже лично

⁴¹ Там же, л. 11.

⁴² Там же, 1877, д. 4, л. 116.

⁴³ Там же, оп. 4/928, 1881, д. 4, л. 15.

⁴⁴ Там же, оп. 3/927, 1879, д. 1, л. 12 об.

⁴⁵ Выписки из приказов по Лейб-гвардии Драгунскому полку // Описание военного похода Лейб-гвардии Драгунского полка в Турецкую кампанию 1877—1878 гг. СПб., 1880. Приложение 33. С. 51—60.

⁴⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1871, д. 101, л. 6, 8.

⁴⁷ Там же, оп. 4/928, 1884, д. 36, л. 17.

присутствовал при погрузке на корабли английских войск, отправлявшихся в Египет⁴⁸.

18(30) апреля 1884 г. в рапорте № 65 Ланц отмечал, что «приглашения на смотр и учения исходят прямо из Военного министерства, за подписью начальника штаба (*Adjutant General to the Forces*) или его помощника, они делаются обыкновенно два раза в год: по случаю смотра волонтёрам на второй день Пасхи и другой раз для развода с церемонией, в день рождения королевы. За остаточный год особых приглашений не делается, но при желании видеть войска [военный агент] может ехать в Ольдершотский постоянный лагерь или другое место, где существуют войсковые сборы»⁴⁹. Но и для этого требовалось дозволение старшего начальника Двора, в случае личного с ним знакомства, или кого-либо из Военного министерства. Причём явиться следовало на своей лошади, поскольку англичане не выдавали иностранным офицерам казённых коней⁵⁰. Любопытно, что, приглашая в 1882 г. на манёвры под Альдершотом русского и французского атташе, принц Уэльский (будущий Эдуард VII) предложил им остановиться в своём дворце, но предупредил, что обеспечить их лошадьми не сможет. Несмотря на это, Ланц, разумеется, принял приглашение принца и 11(23) июня подробно описал парад в Альдершотском лагере в донесении № 31⁵¹.

В то же время для посещения военно-учебных заведений достаточно было личного знакомства с их начальником, которое облегчалось тем, что в пяти офицерских клубах Лондона иностранные офицеры являлись почётными членами. Правда, присутствовать на экзаменах они могли только по специальному приглашению. Посещение казарм дозволялось с согласия командира части или одного из офицеров полка. Кроме того, военный министр выдавал Ланцу три билета на посещение Вуличского арсенала, Порохового завода в Уолтхэмском аббатстве и Энфильдского оружейного завода⁵². Однако для присутствия на испытаниях оружия или при опытах с артиллерией требовалось особое разрешение начальника соответствующего департамента Военного министерства⁵³.

Ланц также систематически обращался к печати, официальным приказам, парламентским отчётам и т.п. Каждое своё донесение генерал-майор сопровождал несколькими газетными вырезками, переслав в 1882—1884 гг. любопытную подборку статей британской периодики по острым внешнеполитическим вопросам. Следил он и за научными публикациями, в частности, в журнале «China Review», который считал весьма содержательным⁵⁴, а также в отчётах Королевского географического общества. В конце 1883 г. в Петербурге даже

⁴⁸ Из 133 донесений, отправленных Ланцем в 1882 г., в фонде Военно-учёного комитета сохранилось 61, и около трети из них посвящены организации и ходу египетской кампании. Интерес к ней был особенно велик, поскольку, как докладывал Ланц 27 апреля (9 мая) 1882 г. в рапорте № 10, «многие находят, что обеспечение морских путей, связывающих колонию с метрополией, в особенности того пути, который ведёт через Оманский и Персидский заливы, Аден, Суэцкий канал, Кипр, Мальту, Гибралтар и далее в Англию, составляет лучшее средство, чтобы парализовать завоевательные стремления России к стороне Индии» (Там же, 1882, д. 4, л. 30).

⁴⁹ Там же, 1884, д. 39, л. 5.

⁵⁰ Исключение делалось лишь для больших манёвров, но они проводились крайне редко и после 1875 г. состоялись лишь в 1884 г. (Там же, д. 36, л. 5 об.).

⁵¹ Там же, 1882, д. 7, л. 34.

⁵² Там же, 1884, д. 36, л. 7.

⁵³ Там же, л. 8.

⁵⁴ Там же, 1884, д. 4, л. 10.

разрешили Карлу Карловичу, по его просьбе, вступить в это общество⁵⁵. При этом его интересовали не только конкретные сведения, но и то, как поставлено в Англии изучение того или иного предмета. Так, 8(20) февраля 1884 г. в рапорте № 13 Ланц сообщал, что не обнаружил в английских статьях и брошюрах оригинальных сведений о племени дунган, все они опирались на русские источники. Тем не менее он подробно характеризовал их акценты и особенности подачи материала⁵⁶.

31 августа 1884 г. Ланц скончался от болезни, и в ноябре его место занял подполковник Генерального штаба Сергей Сергеевич Бутурлин (1842 — после 1917), в отличие от предшественников не имевший никакого опыта агентурной работы. Он начал свою карьеру в Лейб-гвардии Гусарском полку, в 1873 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего служил на Кавказе и участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., будучи начальником штаба кавалерийской дивизии⁵⁷. Однако управляющий делами Военно-учёного комитета генерал-майор Ф.А. Фельдман (в 1876—1881 гг. являвшийся военным агентом в Вене) весьма лестно рекомендовал его Обручеву, особо отметив владение английским языком и приобретённое на Кавказе знание Востока⁵⁸.

Бутурлин старался завести агентуру не только в Англии, но и в других местах, где заметно ощущалось английское влияние. Его агенты передавали сведения о действиях англичан в Константинополе и германских интригах против английского посла, посещали Крит и Эрзерум⁵⁹, сообщая о положении турецкого и христианского населения, притеснениях со стороны султанской администрации и курдов, упадке торговли и т.д.⁶⁰ В конце 1880-х гг. среди них был некий ирландец Фицджеральд, бывший в молодости офицером британской армии, участвовавший в Крымской кампании, а в 1877—1878 гг. являвшийся корреспондентом газеты «Standart» и освещавший войну на Балканах с турецкой стороны⁶¹.

Помимо агентуры, Бутурлин пользовался и своими светскими связями. Так, он был частым гостем у посланника Нидерландов в Лондоне, жена которого происходила из дворянского рода Языковых, и в конфиденциальных разговорах узнавал немало интересных новостей, полученных голландцем от британских политиков. В том числе, например, об их отношении к обнародованию в начале 1888 г. австро-германского договора о военном союзе⁶². Обычно в своих донесениях Сергей Сергеевич не приводил разговоров с туристами и младшими членами посольства, обращая внимание лишь на отзывы тех, кто был непосредственно причастен к правительственным и азиатским делам⁶³. При этом имена, как правило, не раскрывались, чтобы не скомпрометировать информаторов.

Не пренебрегал Бутурлин и прессой, пытаясь максимально использовать её информационный потенциал. 30 января (11 февраля) 1885 г. в донесении

⁵⁵ Там же, 1883, д. 2, л. 150, 153—154.

⁵⁶ Там же, 1884, д. 4, л. 9.

⁵⁷ Там же, оп. 1, д. 129672, л. 2.

⁵⁸ Там же, оп. 4/928, 1884, д. 2, л. 209.

⁵⁹ Там же, ф. 431, оп. 1, д. 56, л. 193.

⁶⁰ Там же, ф. 401, оп. 4/928, 1889, д. 7, л. 69.

⁶¹ Там же, л. 22, 28.

⁶² Там же, ф. 431, оп. 1, д. 56, л. 46.

⁶³ Там же, ф. 401, оп. 4/928, 1885, д. 4, л. 85 об.

№ 13 он отметил те сложные чувства, которые вызывала экспедиция генерала Гордона в Судане: «В статьях журналов между строк проглядывает, и даже иногда в разговорах прорывается — надежда соотечественников его на то, что он умер»⁶⁴. Из этого делался вывод о том, что подобный исход развязал бы руки Лондону и упростил его политику в регионе⁶⁵. Схожим образом Бутурлин рассуждал и об англо-китайских противоречиях в Бирме на основании статей «Pioneer Mail»⁶⁶.

Таким образом, роль работы с тайными информаторами и значение агентурной сети в деятельности военных агентов в 1870—1880-е гг. неизменно возрастали, несмотря на сохранявшиеся ещё сомнения в уместности и эффективности подобных методов. При этом они отнюдь не вытесняли, а дополняли традиционные формы личного наблюдения за иностранной армией и общественно-политической жизнью страны. Собственно грань между частными контактами и предоставлением разведывательной информации зачастую оказывалась зыбкой и обнаруживалась лишь тогда, когда эти услуги оплачивались. Так или иначе более половины своих сведений военные агенты добывали из официальных источников и анализа прессы. Однако при умелом использовании всех имевшихся в их распоряжении возможностей им удавалось передавать в Петербург весьма важные и точные данные.

⁶⁴ Там же, л. 2 об.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, 1886, д. 4, л. 6—9.